

> ВОЙНА

Взгляд солдата

ШЕЛ сорок второй. Немецкая армия стояла около Москвы. Восторженная уверенность в силе Красной Армии таяла. Что будет дальше? Этот вопрос задавал себе каждый.

Учительница назвала меня в числе тех, кто будет участвовать в концерте для раненых. Я уже два раза был в госпитале со школьной агитгруппой: учительница считала, что я хорошо читаю некраесовское «В полном разгаре страда деревенская...». Я не срывал аплодисментов на концертах – их вообще не было. Но улыбки на серых лицах видел.

Думаю, нас приводили к тяжело раненым: никто не сидел – все только лежали. Мы попали в ту же палату, где уже были. В предыдущий раз раненых было много, но хватало места и на проходы между коек, и на крошечный пятачок для артистов. На этот раз я понял, что такое «много». Пройти можно было только боком, настолько плотно стояли кровати. Мы так и выступали, стоя вдоль них цепочкой. Я оказался лицом к лицу с раненым очень маленького размера, хотя по лицу – лет девятнадцать. Парень был запеленут, как младенец, в простыню и одеяло. До меня не сразу дошло: он такой маленький, потому что без рук и ног.

Он молча смотрел на меня – глядел и молчал, глядел и молчал. А я не мог отвести взгляд. Эти несколько секунд у койки изуродованного солдата врезались мне в память на всю жизнь.

Валюшка из узелка

ОНА ПОЯВИЛАСЬ в нашей квартире неожиданно. Я, двенадцатилетний парнишка, делал уроки. Бабушка с соседкой Марией Степановной долго шептались на кухне. Потом соседка ушла, а вскоре в коридоре взволнованно заговорили.

Я выглянул: Мария Степановна стояла со странным узлом в руках – оказалось, это маленький ребенок. Из разговора взрослых я узнал, что в город прибыл вагон с ленинградскими сиротами, вывезенными из блокадного города. У детей не было документов, они не помнили ни имен своих, ни возраста. Из-за отсутствия условий для содержания малышей без бумажной волокиты просто раздавали в семьи через домоуправления. Позднее там же нам, школьникам, выдавали окровавленные солдатские гимнастерки и телогрейки для стирки. Сначала в придачу полагался кусок мыла на каждые две телогрейки, но, видимо, запас мыла кончился, и стирали просто золой.

К возвращению Марии Степановны бабушка уже нагрела воды. Женщины решили ребенка в комнату не нести, чтобы не разносить вшей, и купать прямо в коридоре. Детское тряпье сразу сожгли в печи.

Мальшка молча наблюдала за хлопотами взрослых. На вид ей было года два, но она не могла стоять – сидела. Меня поразила ее дряблая, как у старика, кожа, обтягивающая ребра. Женщины пытались разговорить ее, спрашивали, как зовут. Но она молчала. Молчала с месяц: я не слышал ни лепета, ни смеха, ни плача. А через месяц стала плакать – плакала днем и ночью. На Марию Степановну было жалко смотреть: она похудела и осунулась. Прошла не одна неделя, прежде чем мальшка стала успокаиваться.

Однажды Мария Степановна ушла с девочкой. Вернулась радостная: получила документы на удочерение. Назвала дочку Валей, Валентиной Павловной Савиной. Врач по зубам установил примерный возраст: четыре года.

Прошел еще не один месяц, прежде чем маленькая Валюшка стала выходить из комнаты. Война медленно отпускала ее из своих объятий.

ВЛАДИСЛАВ ВОРОНКОВ

> ПАМЯТЬ

Ничейных не оказалось

МНОГИЕ руководители предприятий и организаций не забывают тех, кто создавал экономику нашей страны, осваивал целину, строил крупнейшие гидроэлектростанции, БАМ, кто отдавал две месячные зарплаты в заем государству, чтобы построить такие гиганты, как ММК, ЧТЗ, ЧМК... Мы сегодня живем в домах, учимся в школах, техникумах, институтах, построенных нашими родителями. Помните об этом!

Когда-то был в городе Мостоотряд-105, строивший мосты и путепроводы в городе и сельских районах. Но в период перестройки Мостоотряд продал, и пенсионеры, казалось, будут никому не нужны, а ведь многие из них отдали предприятию лучшие свои годы. Таких «ничейных» пенсионеров оказалось почти девяносто человек. Преемник Мостоотряда – Южуралмост – во главе с директором Иваном Святелиным не оставил без внимания нас, и каждый год не обходится без поздравлений. Об Иване Алексеевиче хорошо отзываются коллеги по работе.

Мы, пенсионеры, желаем директору Южуралмоста здоровья, а предпрятию – успехов. Такие качества руководителя, как входит в положение каждого человека, просто так не появляются. Они воспитываются в семье, школе, институте, рабочем коллективе. Спасибо вам, Иван Алексеевич.

ВЛАДЕН СИНИЦКИЙ, ветеран труда

Профессия ДЛИННОЙ В ВЕК

> Заслуженный дворянин трудился бухгалтером на заводе

Фото из домашнего архива автора

ХОЧУ РАССКАЗАТЬ о профессии, которая живет в нашей семье уже более ста лет, – Учитель. Я пишу это слово с большой буквы, так как вкладываю в него чувства и, конечно, любовь к детям и к своим родным: маме, бабушке, деду и прадеду, которые несли это звание с гордостью.

Начну рассказ о своем прадеде. Иван Павлович Кардапольцев – сын крестьянина, благодаря старшему брату получил образование и несколько лет работал учителем в селе Узья Белорецкого района. Затем его заметили руководители Демидовского завода и пригласили работать бухгалтером. За честный и добросовестный труд получил статус «Заслуженный дворянин». Этот статус перешел по наследству его детям и дал возможность им получить образование.

Двое из его сыновей стали учителями. Евгений Иванович Кардапольцев – мой дед, в честь него меня назвали Евгением – после окончания Верхнеуральского реального училища работал учителем математики и черчения. С 1934 по 1938 год был директором Узянской школы. Здесь работала молодая учительница начальных классов Евдокия Алексеевна, которая стала его женой и матерью четырех дочерей.

Вернемся к Евгению Ивановичу. Желание дать своим детям хорошее образование привело семью в Магнитогорск. С 1938 года дедушка работал в школе № 29, но недолго. В 1942 году Евгения Ивановича забрали в ряды Красной Армии, и пал он смертью храбрых под Смоленском. Его имя выбито на мраморной плите у монумента «Тыл – Фронту».

После гибели мужа Евдокия Алексеевна осталась одна с четверыми детьми. В тяжелые военные годы с другими учителями-женщинами и школьниками выращивали картошку и капусту на пришкольном участке для столовой, а зимой заготавливали дрова и уголь для отопления здания. Учителей не хватало, приглашали на работу девочек-выпускниц без педагогического образования. Евдокия Алексеевна и ее дочь Светлана работали в школе № 29 в 1943 году, с шестнадцати лет. Ее первым профессиональным наставником была мама.

В 1946 году Нина Евгеньевна получила первую награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После войны окончила исторический факультет МГПИ и 31 год отработала учителем истории в школах Магнитогорска.

Ее дочь Елена Романовна окончила факультет «Электронпривод и автоматизация промышленных установок» и более двенадцати лет отработала мастером производственного обучения, преподавателем черчения и электротехники в СПТУ-47.

Еще одна дочь Евдокии Алексеевны Ида Самохина также пошла по стопам родителей. Много лет проработала в школе № 29, из них двадцать – директором. После ухода на пенсию была помощником депутата городского Собрания. Сейчас работает в женсовете Орджоникидзевского района, помогает отстающим школьникам по математике.

Ида Евгеньевна – учитель математики с 35-летним стажем, воспитала троих детей. Дочери окончили пединститут и тоже работают учителями. Моя дочь Светлана окончила лицей РАН с серебряной медалью и учится на экономическом факультете МГУ. И кто знает, как сложится судьба Светланы, но в семье учителей с вековым стажем не против, если судьба приведет ее к работе с детьми ☺

ЕВГЕНИЯ ИСАУЛЕНКО, учитель школы-интерната № 35

По стопам родителей пошли все дети

много времени тратила на обучение их педагогическому мастерству. Уже после войны многие из девочек поступили в пединститут. Одна из них моя тетя – Нина Евгеньевна – учитель истории с 40-летним стажем, орденоносец. За добросовестный труд и особые заслуги 3 февраля 1950 года Евдокия Кардапольцева награждена орденом Ленина.

Нина Широкая – старшая дочь Евдокии Алексеевны – начала работать в школе № 29 в 1943 году, с шестнадцати лет. Ее первым профессиональным наставником была мама.

Броня и веник

> В истории Магнитки переплелись великое и малое

КОГДА ПИСАЛА о комбинатской литературной новинке – энциклопедии «Герои среди нас», никак не ожидала, что крохотный фрагмент информации при внимательном рассмотрении окажется таким емким.

Эпизод, где гость Магнитки писатель Николай Воронов рассказывает, как директор комбината Григорий Носов спасал Андрея Сулимова, вызвал на открытие профессионалов черной металлургии. Наш давний читатель, критик и внештатный автор Матвей Литичевский рассказал, что скрывалось за давней историей, когда опытного специалиста командировали заготавливать веники для металлургического производства.

– Чугун вениками не чистят, – улыбаясь, для начала исправил он авторскую опечатку.

Когда в сорок первом по решению правительства в Магнитку эвакуировали Мариупольский броневой стан – крупновский, работавший в России еще с царских времен, – в городе практически не было рабочих и инженеров с опытом работы на нем. Магнитогорским специалистам предстояло освоить единственный в стране стан, рассчитанный на прокат стотонных слитков. Среди прочих вопросов пришлось решать, как сбивать окалину с горячей поверхности брони. Когда слиток небольшой – толщиной до 50–60 сантиметров, это легко. Но как сделать это на реверсивном стане, где толщина слитка постоянно меняется? От проблемы не отмахнешься: по свидетельству начальника блюминга № 3 Георгия Савельева, танкисты на встречах с металлургами жаловались, что если окалина с брони не сбита, то при попадании в танк вражеский снаряд хоть и не пробивал металла, но срывал окалину внутри башни, и она наносила раны членам экипажа.

Долгое время окалину счищали невероятным способом. Валцовщик подбегал к раскаленному слитку, пышущему тысячекратногорячим жаром, и швырял на его поверхность веник. Это было опасно: происходил небольшой, но настоящий взрыв, сдвигавший с металла окалину. А вальцовщика спасали только суконка, рукавицы, маска на лице наподобие фехтовальной и мокрая тряпка на голове, с которой на маску стекала вода, да собственные

ноги. Рассказывают, что ради этой технологии во время войны целые роши вокруг Магнитки вырубали на веники.

Была и другая технология: гидросбив. Но нигде в мире на станах, подобных нашему «4500» горячей прокатки, не удавалось его установить. Дело в том, что при прокатке конец слитка загибался вверх подобно тому, как поднимается при раскатывании край листа теста, и срезал гидросбив. В результате не удавалось выдержать технологическое условие: расстояние между поверхностью листа и краем форсунок должно быть равно тридцати сантиметрам. Чтобы выдержать это условие, долгое время американские и советские металлурги применяли следующий прием: закрепляли форсунку на балке, и по мере подъема края листа оператор поднимал гидросбив. Но этот метод предполагал много сложностей. Верхний валок постоянно меняет положение по мере прокатки: слиток подает толщиной 100–150 сантиметров, а раскатанот – десять-пятнадцать. Десятикратный разбег. Заказали было насосы давлением в 150 атмосфер, где струя воды из форсунок толщиной 0,8 миллиметра разрезает железнодрожную шпалу, как ножом. Но в нашей стране не выпускали шлангов, выдерживающих такое давление.

Матвей Литичевский в середине шестидесятых возглавлял группу прокатного отделения, которой поручили разработать схему закрепления форсунок. Он признается, что не представлял, насколько сложной окажется задача. Озарение пришло совсем по-советски. После долгих поисков выхода Матвей Моисеевич пришел к находке, когда ехал в общественном транспорте, стиснутый со всех сторон: зврика – нужно применить принцип маятника. По бокам от вала – трубы, на них форсунок, а их цепями закрепить за края вала: как движется подушка, так и балка с форсункой.

Тут стоит рассказать бытовую историю, которая не имеет прямого отношения к металлургии, но, как и история с Андреем Сулимовым, отражает эпоху. Техническое новшество признали изобретением. Правда, Матвею Литичевскому заплатили за него не так много даже по тогдашним меркам – 67 рублей. Зато знак «Изобретатель СССР» давал кое-какие льготы, в частности, право на дополнительные 20

квадратов жилплощади. Автор их не получил, но после смерти родственников подал документы в ЖКО, согласно которым освобожденные метры не являлись «излишком жилплощади». В ЖКО с его доводами не согласились: даже директор комбината имел право только на десять дополнительных метров. Спор разрешили постановлением Совнаркома середины двадцатых о предоставлении дополнительных метров изобретателям. Так Матвей Литичевский отстоял свой кабинет с библиотекой. «Мне интересно среди книг, – завершил он этот эпизод. – Я готов среди них и умереть».

А еще случилась история с внедрением изобретения. Матвею Литичевскому не удалось убедить главного прокатчика ММК Валентина Коженикова разрешить сварку конструкции к клету – был риск, что она лопнет при монтаже. Не позволил прокатчик и просверлить станину, чтобы закрепить конструкцию, – был риск ослабить основание. Решено было сделать крепления из завинченных шпилек. Но для этого требовалось нарезать резьбу на высоте. Выручил начальник старого листопркатного цеха: его вальцовщики закрепили на трубах по краям вала сваренные крест-накрест два лома с приваренными посередине метчиком, и пока шла перевалка, всей бригадой нарезали отверстия диаметром 64 миллиметра. Медленно: за одну перевалку – одно отверстие. За каждую – по четыреста рублей. Матвей Литичевский был восхищен и идеей, и исполнением: ручной метод – по старой, крепкой немецкой стали.

Через несколько лет Магнитку навестил главный конструктор Мариупольского завода. Заглянул к Литичевскому, рассказал, как решен этот вопрос, – рассуждает Матвей Моисеевич, – если будут слэбы – вопросов нет, а если слитки – вопрос не обойти.

В истории Магнитки тесно переплелись великое и малое, вчерашнее и завтрашнее ☺

АЛЛА КАНЬШИНА

> ОДНАЖДЫ

Барон не врет

ВЫ СЧИТАЕТЕ, Мюнхгаузен – большой враль? А со мной был случай, который напоминает одно из прощешней во время его путешествия по России, когда он привязал коня к кресту в сугробах, а они растаяли, открыв под собой церковь.

Шел январь 54-го. После смерти Сталина страна жила в ожидании перемен, а в рядах компартии шел обмен партбилетов. Мне сделать это было непросто: я жил километрах в семнадцати от райцентра на севере Башкирии. Мы, трое работников машинотракторной станции, управившись с делами, к вечеру запрями полуслеплого мерина в легкие санки и отправились в райком. Пока шли сборы, погода стала меняться: день был по-зимнему теплый, солнечный, а к поезду налетела сильная пурга, видимость – не дальше метра. Я был самым молодым, поэтому мне отвели роль водителя кобылы, так что на своем водительском месте я видел только хвост мерина.

На обратном пути мерин сам находил дорогу, слегка укатанную редкими автомобилями и санями. У меня была лишь забота не пропустить столб, за которым надо сворачивать на полузаметный снег проселок. Поездка: удачно свернули. Однако через сотню метров я почувал неладное. Мерин стал глубже проваливаться в снег, да и санки «загребали». Я остановил мерина, соскочил в снег. Ориентиров никаких. На счастье, в короткий промежуток между порывами ветра и снега метрах в двухстах удалось разглядеть лес. Вероятно, слепой конь шел на лесные запахи. С трудом вернулись на дорогу, но мерин упорно продолжал сворачивать к лесу. С таким упрямым на облучке не посподишь – пришлось вести его под уздцы, пока не удалились от леса.

К моменту, когда мы въехали в деревню Юлдуз, что значит «звезда», уже наступила темень. А у нас новая забота: в центре деревни надо свернуть к нашему селу. Но как ориентироваться среди домов, когда они превратились в сугробы? В последнем таком сугробе мерин завяз по уши: голова на снегу ноздрями вверх, да зад торчит. Опираясь на холку лошади, иду по оглобле вверх, прыгаю вперед и – проваливаюсь в снег по грудь, а под ногами не чувствую твердой опоры. Вершины сугроба не видно. Перекачавшись в снегу с боку на бок, выползаю на уровень лошадиных ноздрей и неожиданно качусь вниз. Встаю: под ногами твердо. Развожу руки в стороны: одна упирается в снежную стену, другая в бревенчатую. Попал в закрытый двор. Разворачиваюсь и вижу слабый свет у конца стены. Стучу в окно, вызываю хозяина спросить о дороге. Оказалось, возле этого дома и нужно было сворачивать. Пока вытаскивали мерина, небо прояснилось, и лошадка не спеша потрусилась с нами домой.

ВЛАДИСЛАВ ВОРОНКОВ